Полянский Михаил Васильевич – кандидат экономических наук, доцент, начальник Хабаровского пограничного института ФСБ Российской Федерации (г. Хабаровск). Тел.: (4212) 74 92 98

Пограничная служба Советской России: новые подходы и принципы формирования

В статье представлен анализ состояния пограничной охраны, которые сложились после Октября 1917 года. Показано, что обстановка на границе России обусловила проблемы поиска новых подходов к её охране, организации работы по формированию и комплектованию Пограничной службы РСФСР на новых принципах, способствующих борьбе с неразберихой, сумятицей и беззаконием, наведению порядка в приграничных районах республики.

Ключевые слова: Октябрьская революция 1917 года, централизация вопросов охраны границы, пограничные силы Советской Республики, новые подходы к формированию и комплектованию Пограничной охраны РСФСР.

В отечественной историографии сложилось мнение, что до создания в марте 1918 г. Главного управления пограничной охраны, государственная граница охранялась силами Отдельного пограничного корпуса. Еще одно заблуждение заключается в том, что пограничные части и пограничники (чуть ли не автоматически) перешли в новую советскую пограничную структуру.

Необходимо окончательно развеять эти ошибочные утверждения, поэтому обратимся к неизвестному до настоящего времени большинству исследователей истории пограничных органов документу – Письму руководителей Пограничной охраны (военного комиссара П. Федотова, временно исполняющий должность военрука Тетеревятникова и временно исполняющий должность начальника управления Д. Логофета). Оно адресовано заместителю народного комиссара финансов Д.П. Боголепову 24 октября 1918 г. В нём они отмечают: «Главное управление пограничной охраны (далее – ГУПО) сообщает, что представить отчет о деятельности пограничной стражи за период с 27 февраля по 25 октября 1917 г. нельзя, т. к. в это время части, входившие ранее в состав Отдельного пограничного корпуса, в соответствии с Положением о мобилизации пограничных частей, были переданы в Военное ведомство и существовали в Действующей армии в виде пеших и конных частей, неподведомственных Штабу корпуса» [1]. Это письмо свидетельствует о том, что с момента начала Октябрьской революции 1917 г. и до конца июня 1918 г. в стране существовал только лишь орган управления пограничной охраной без подчиненных ему каких-либо войск.

Начало формирования реальных пограничных сил Советской Республики в составе Народного комиссариата торговли и промышленности и начало охраны ими государственной границы можно отнести к периоду не ранее конца июня – начала июля 1918 г. С этого времени начался

необратимый процесс создания и совершенствования советской пограничной охраны (пограничных войск).

В этой связи вызывают интерес два момента: или вопрос организации охраны государственной границы долгое время оставался второ- и третьестепенным, а потому долго дискутировался в различных советских инстанциях; или же это свидетельство дефицита организаторского опыта у комиссарского состава и неспособности военных специалистов организовать работу в новых условиях.

Это косвенно подтверждается последовавшими перестановками в высшем руководстве Пограничной охраны, которые иначе как поиском и наказанием «стрелочника» не назовешь. Так, Протокол собрания служащих ГУПО от 11 июля 1918 г. свидетельствует, что «… тяжелые и ненормальные условия службы в ГУПО побудили избрать делегацию к Наркому (С.Г. Шамшев, В.А. Розанов, Г.И. Чернецкий), главной задачей которой являлось выяснить, на основании каких и чьих распоряжений Г.Г. Мокасей-Шибинский управляет Пограничной охраной» [2]. 5 марта 1917 г. были удалены из Штаба Корпуса Пыхачев, начальник штаба генерал-лейтенант Кононов и семь офицеров. Генералы ушли в отставку, а офицеры были переведены в Военное ведомство.

Уходя в отставку, бывший командир корпуса отдал 6 марта 1917 г. Приказ по Отделению пограничного контроля (далее – ОПК): «Заболел сего числа, служебные обязанности нести не могу. Временное командование корпусом возлагаю на помощника командира корпуса генерал-лейтенанта Мокасей-Шибинского» [3]. Во временное командование Г.Г. Мокасей-Шибинский вступил будучи по воинскому званию самым старшим из оставшихся после переворота военнослужащих управления. В тот же день назначение было продублировано Министром финансов М.И. Терещенко.

Мокасей-Шибинский временно исполнял должность до 4 апреля 1918 г., управление и штаб ОПК были переименованы в ГУПО, поэтому на должность начальника ГУПО он перешел механически. Никаких актов новой власти по этому поводу не издавалось. В организации службы Г.Г. Мокасей-Шибинский использовал дореволюционные методы управления. Когда комитет служащих требовал, чтобы кадровые назначения согласовывались, то он противился этому.

В августе 1918 г. Высшая аттестационная комиссия признала Г.Г. Мокасей-Шибинского фактически неблагонадежным, и его 6 сентября 1918 г. (Циркуляр по Наркомату торговли и промышленности №А-451) освободили от должности начальника ГУПО, назначив консультантом по пограничной охране при Наркоме торговли и промышленности. Временно исполняющим должность начальника ГУПО был назначен заведующий отделением пограничного и корчемного надзора С.Г. Шамшев [4].

Фактически отстранение Г.Г. Мокасей-Шибинского от руководства ГУПО произошло по инициативе военных комиссаров П.Ф. Федотова и В.Д. Фролова, которые 13 августа 1918 г. в письме народному комиссару торговли и промышленности отмечали: «7 августа в Высшую аттестационную

комиссию препровождены кандидатские карточки на лиц военно-административного состава ГУПО: начальника управления Г.Г. Мокасей-Шибинского, помощников его Г.Г. Попова и В.Я. Тетеревятникова и ревизоров А.К. Кренке и Д.Н. Логофета. Ныне Высшая аттестационная комиссия сообщила, что кандидатуры Мокасей-Шибинского, Попова и Кренке отклонены, что же касается Тетеревятникова и Логофета, то с технической стороны их кандидатуры приняты» [5]. Это письмо, по всей видимости, было обусловлено указаниями председателя Высшей аттестационной комиссии Я. Егорова в ГУПО: «Кандидатуру Г.Г. Мокасей-Шибинского отклонить на основании данных Протокола соединенного заседания военных комиссаров ГУПО и делегации, избранной общим собранием служащих управления от 21 июля 1918 г. за №1. Кандидатуры Г.Г. Попова и А.К. Кренке отклонены согласно личному заявлению комиссара В. Фролова» [6].

В другом письме, адресованном Наркому, комиссары П.Ф. Федотов и В.Д. Фролов отмечали: «До нашего назначения на должности комиссаров ГУПО точного распределения работ по организации пограничной охраны между служащими Главного управления начальником Г.Г. Мокасей-Шибинским произведено не было. Точнее сказать, само ГУПО было найдено в неорганизованном виде благодаря непринятию начальником управления надлежащих и настойчивых мер к скорейшей эвакуации из Петрограда в Москву как служащих управления, так и необходимого имущества, а равно к скорейшему проведению новых штатов управления. Основной штат оказался несоответствующим по своему составу потребностям формируемой Пограничной охраны и тормозил укомплектование ГУПО потребным составом служащих. Вплоть до нашего назначения дело в управлении совсем не было налажено, что и доказывается тем, что только в августе месяце (1918 г.) установлено временное расписание должностей» [7]. Другими словами, эвакуация ГУПО из Петрограда в Москву началась в марте 1918 г, а закончилась через полгода – в конце августа.

К П.Ф. Федотову и В.Д. Фролову присоединился и член коллегии ГУПО, комиссар ГУПО от Народного комиссариата торговли и промышленности (далее – НКТиП), Н.К. Будковский. В докладе заместителю народного комиссара торговли и промышленности он указал: «В целях более успешной работы по организации пограничной охраны необходимо произвести некоторое перемещение ответственных должностных лиц управления. Г.Г. Мокасей-Шибинскому, нынешнему начальнику ГУПО, можно предложить подать прошение об отставке или уволить от службы, так как формальным поводом служит отзыв Высшей аттестационной комиссии. На освободившуюся должность назначить его помощника В.Я. Тетеревятникова, на должность помощника начальника ГУПО – Шамшева.

С уходом Г.Г. Мокасей-Шибинского разрядится атмосфера неудовольствия и недоверия со стороны сотрудников Главного управления по отношению к лицам командного состава» [8].

Эти примеры иллюстрируют довольно сложную процедуру отстранения от должности высокопоставленного сотрудника Пограничной охраны. Обращает на себя внимание сочетание демократизма (учет мнения коллектива), привлечение к решению вопроса различных инстанций (Высшей аттестационной комиссии, Бюро военных комиссаров, Наркомата по военным делам и Наркомата торговли и промышленности), а также партийной инициативы и контроля со стороны военных комиссаров П.Ф. Федотова и В.Д. Фролова.

В период между Февральской и Октябрьской революциями у Г.Г. Мокасей-Шибинского был ряд конфликтных ситуаций со служащими управления Отдельного пограничного корпуса и Комитетом служащих корпуса. При эвакуации ГУПО из Петрограда в Москву, в марте 1918 г., не все лица из числа руководящего состава Главного управления прибыли в новую столицу. Всем этим лицам начальником ГУПО (Г.Г. Мокасей-Шибинским) было разрешено под разными благовидными предлогами не приезжать. К этой категории, например, можно отнести помощника начальника Главного управления Г.Г. Попова, управляющего счетным отделением Кубицкого, санитарного инспектора Гурьева, начальника строительного отделения Каростыгина [9].

Уже после отставки с поста руководителя ГУПО (в середине ноября 1918 г.) на квартиру Г.Г. Мокасей-Шибинского пришли с обыском. Не обнаружив у него дома ничего противозаконного, лица, производившие обыск, изъяли у Г.Г. Мокасей-Шибинского царские ордена, медали и три бутылки вина. В письме на имя управляющего делами Народного комиссариата торговли и промышленности Григорий Григорьевич, ссылаясь на плохое финансовое положение семьи, униженно просил вернуть ему ордена или компенсировать их стоимость в денежном эквиваленте – около 1500 руб. [10]. Г.Г. Мокасей-Шибинского, оказавшегося в опале, пытался защитить заместитель народного комиссара торговли и промышленности, Я. Касперович [11].

После увольнения с должности начальника ГУПО Г.Г. Мокасей-Шибинский некоторое время состоял в должности консультанта народного комиссара торговли и промышленности по пограничным вопросам. С 15 февраля 1919 г. Г.Г. Мокасей-Шибинского и еще двух консультантов народного комиссара торговли и промышленности уволили из Наркомата по сокращению штатов. В приказе о его увольнении было указано, что «… за время службы в Комиссариате Г.Г. Мокасей-Шибинский к своим обязанностям и возлагаемым на него поручениям относился добросовестно» [12].

После окончательного увольнения из Наркомата личное дело Г.Г. Мокасей-Шибинского было направлено в адрес Народного комиссариата по военным делам, дальнейшая судьба этого человека неизвестна.

Отставка Г.Г. Мокасей-Шибинского явилась следствием демократических преобразований, захлестнувших в то время российское общество. Сегодня понятно, что в силовых структурах даже самого

демократического государства их проявления должны ограничиваться, и это должно особо оговариваться.

В послереволюционное время демократические процессы в Вооруженных силах и Пограничной охране РСФСР были непродолжительны. Начавшаяся Гражданская война и демократия, особенно в армии, оказались несовместимы.

Так, например, телеграмма Военно-революционного комитета при Ставке от 30 ноября 1917 г. за подписью Боярского (председателя) и Полукарова (секретаря), адресованная ВЦИК, содержала Проект о демократизации армии, который заключался в следующем: «Вся полнота власти в пределах воинской части принадлежит соответствующему солдатскому комитету.

Оперативно-боевая часть, дело снабжения, санитарная часть и другие остаются в ведении прежних органов под контролем комитетов и комиссаров, с согласия которых отдаются распоряжения и приказы этими органами.

Офицерские и классные чины, звания и ордена упраздняются, и впредь выдача орденов не разрешается. Ношение орденов отменяется, кроме георгиевских крестов и медалей чинов, кои носить разрешается.

Ношение погон отменяется.

Лица командного состава при исполнении служебных обязанностей носят повязку на рукаве с соответствующей надписью, например, командир такого-то полка.

Вводится выборность командного состава и должностных лиц, командиров до полкового включительно.

Командиры выше полка, до Верховного главнокомандующего включительно, избираются соответствующими съездами или совещаниями при соответствующих комитетах.

Отстраненные лица чиновничьего и командного состава, либо оставшиеся неизбранными, приравниваются по своему правовому положению к остальным солдатам революционной армии.

Резерв чинов упраздняется» [13].

Однако вскоре стало ясно, что подобные подходы самым негативным образом влияют на процесс формирования Красной армии и Пограничной охраны. Дабы изменить ситуацию, Приказом РВС №215 от 7 ноября 1918 г., который был объявлен по ГУПО, Приказом №27 от 31 марта 1919 г., предписывалось, что «… выборное начало при назначении на командные должности как противоречащее существующим нормам вредно сказывается на формировании армии, следовательно, не должно иметь места» [14].

Практически весь 1918 год прошел не только под лозунгом «демократизации» Красной армии и Пограничной охраны, что само по себе абсурдно, особенно на периферии этот процесс принял характер охлократии. Тот год в советской литературе и историографии характеризовался словом «партизанщина». Не обошло это негативное явление и части пограничной охраны на местах.

История пограничной охраны того периода богата примерами противостояния командного, комиссарского и рядового составов, случаями массового неповиновения и самосудов, нарушениями элементарных норм поведения и субординации.

В одном из документов ГУПО обстановка на границе в 1918 г. характеризовалась следующим образом: «Бывшая Пограничная охрана с окончанием войны, вследствие полной демобилизации, оказалась несуществующей. Отсутствие специальных частей Пограничной охраны на демаркационной линии создало тяжелую обстановку насилий и грабежей, носившую самый грустный и невероятный характер» [15].

Часто и сама граница имела условный, виртуальный характер. Так, к примеру, из доклада начальнику 3-го пограничного округа Е.Г. Медведеву от начальника пограничного района Тихомирова явствовало, что «… украинские партизаны заняли посты на нашей территории. Наших пограничников не пропускают, препятствуют несению службы» [16].

Подобные характеристики имели объективный характер, в возникновении подобных ситуаций были виновны лица, не имеющие никакого отношения к советской Пограничной охране. Этому сопутствовало много субъективных обстоятельств, которые усугубляли и без того непростую обстановку на государственной границе, в возникновении которых были задействованы сами пограничники или другие представители советской власти на местах.

Так, осенью 1918 г. руководство 1-го пограничного округа информировало Центр о том, что «… на Пленарном заседании Онежского исполкома вынесено Постановление – расформировать Онежскую дистанцию Беломорского района с заменой ее Красной армией. Начальник Онежской дистанции, тов. Роман, арестован исполкомом. Причины расформирования дистанции и ареста тов. Романа неизвестны. Дознание округом проводится» [17].

В среде самих пограничников и красноармейцев находились люди далекие от идеала грозного и неподкупного стража границы. Например, в своем заявлении от 19 октября 1918 г. в адрес начальника одного из пограничных районов 3-го пограничного округа каменщик С.Е. Терехин написал: «Пришлось пройти шесть заградительных отрядов (Красной Армии) на одной дороге, и каждый из отрядов считал своей обязанностью что-либо взять. В конце концов, наша артель прибыла в Брянск без всего. А обозы с контрабандой сопровождаются красноармейцами. За нее платится немецким патрулям по 5 руб. с пуда, а унечским властям – по 8 руб. с пуда. Даже у «соглашателей» украинских дело поставлено куда лучше» [18].

В марте 1919 г. в Минске произошли беспорядки, в которых участвовал 2-й пограничный батальон, основу которого составляли партизаны. Основной причиной этих событий стало недовольство партизан комиссарами, которые делили людей на московских, пользующихся доверием, и могилевских, доверием не пользующихся [19].

Неразбериха, сумятица и беззаконие, охватившие целые приграничные районы, усиливались межведомственными трениями, часто приобретавшими характер межличностных конфликтов. Различные советские чиновники пытались руководить структурами, которые не входили в их компетенцию.

Например, как следует из донесения начальника 1-го пограничного округа в ГУПО, в октябре 1918 г. председатель Себежской коллегии о беженцах Хилинский постоянно вмешивался в деятельность Пограничной охраны, позволял себе отдавать приказания часовым Пограничной охраны и даже начальнику подрайона. Хилинский пытался также регулировать деятельность Таможенного надзора и начальника железнодорожной станции [20].

Изначальными требованиями, которые предъявлялись к пограничникам, были профессионализм и дисциплинированность. В одном из циркуляров ГУПО в пограничные округа осенью 1918 г. отмечалось: «К охране границ должны привлекаться вполне обученные и дисциплинированные части. Этого требуют интересы республики, с целью ограждения страны как от подхода полевых войск, так и от всяких возможных случайностей военного характера, в особенности для избегания пограничных инцидентов, часто чреватых политическими последствиями.

Дело пограничного надзора очень сложное и отличное от войсковых обязанностей. Малодисциплинированные части больше обучаются, чем служат, исполнять пограничного надзора не могут и вызывают только нескончаемый ряд недоразумений с соседями, которые чрезвычайно щепетильны к нарушениям правил пограничной жизни и их территорий» [21].

Уже в этом циркуляре чувствуется обеспокоенность руководства пограничного ведомства ситуацией на границе и смещением акцента с экономической на политическую составляющую охраны государственной границы, который стал приоритетным в 20-е годы XX столетия.

Например, в письме заместителя народного комиссара торговли и промышленности Бронского народному комиссару по военным делам от 4 октября 1918 г. дана нелицеприятная характеристика действий органов советской власти на границе с Украиной (на участке 3-го пограничного округа) как «… позорящая Советскую Республику деятельность ответственных органов и о пособлении нечестным элементам некоторых представителей местных властей в пограничной полосе» [22]. В письме содержалась также мысль о борьбе с местничеством и о преодолении межведомственной разобщенности на границе. В нем подчеркивалось, что пограничную политику должна определять центральная власть, а местная – должна действовать в рамках этой политики.

Для наведения элементарного порядка в приграничной полосе была создана межведомственная комиссия с широкими полномочиями, в которую представителем от НКТиП был делегирован комиссар Н.К. Будковский. Межведомственной комиссии было предоставлено право привлекать к

дисциплинарной ответственности и суду военного трибунала всех виновных, невзирая на лица.

Однако репрессивные меры не были единственным способом наведения порядка на границе. Так, из донесения начальника 1-й пограничной дивизии от 8 апреля 1919 г. видно, что стрелок 2-го взвода 7-й роты 3-го пограничного полка Дмитрий Матвеев, отклонив предложенную ему взятку, задержал бывшего начальника 15-й дистанции Киселева; стрелок же Дмитрий Медведев способствовал Матвееву в задержании Киселева. Отмечая столь похвальные действия, являющиеся ярким примером сознательного и неподкупно-честного отношения к своим обязанностям и преданности революционному долгу, Военный совет пограничных войск постановил: объявить стрелкам Матвееву и Медведеву благодарность, о чем было предписано прочесть во всех ротах, эскадронах и командах [23].

Наряду с индивидуальными поощрениями, практиковались и коллективные поощрения. Например, Приказом по пограничным войскам №39 от 17 мая 1919 г. была объявлена благодарность 12-му стрелковому пограничному полку (3-я пограничная дивизия). Там, в частности, отмечалось что «… 12-й стрелковый пограничный полк был отправлен в район гг. Фастов, Белая Церковь и ст. Мотовилиха для очищения этого района от петлюровских банд атамана Гончара. Задачу полк выполнил блестяще. При захвате ст. Мотовилиха небольшая часть полка при поддержке бронепоезда вела ожесточенный бой с превосходящими силами бандитов в течение трех часов. В результате боя противник был разбит, и в наших руках осталось 10 пулеметов. От лица службы объявляю сердечную благодарность командиру полка, комиссару, командному составу и всем стрелкам-пограничникам за их самоотверженную и сознательную работу на пользу Советской Республики» [24].

Причиной недостатков в охране границы и низкого уровня дисциплины являлась не только пресловутая «партизанщина», но и слабая управленческая деятельность командного состава. Так, в Приказе по пограничной охране №23 от 9 октября 1918 г. отмечалось следующее: «При инспектировании 1-го округа пограничной охраны был обнаружен большой хаос в делопроизводстве, заключавшийся, главным образом, в отсутствии соответствующей отчетности и неполноты ее.

Не говоря уже об отсутствии таких серьезных документов, как опись оружия, запасных частей его и проч. В некоторых частях округа нет даже описей имущества, заведение коих не требует никаких особых познаний, ни указаний о формах их, и может быть поручено всякому, даже неопытному сотруднику.

Отсутствие отчетностей и неполнота их указывают на весьма халатное, граничащее с преступностью, отношение к делу как со стороны начальника округа, так и прочих сотрудников.

К прискорбию, названные лица не дали себе труда даже заглянуть в установленные журналы и книги.

Большинство начальствующих лиц служило в прежнее время в пограничной страже или военном ведомстве, почему, без сомнения, им известны те или иные отчетности.

ГУПО напоминает, что Приказом народного комиссара по военным делам объявлено, что впредь, до издания новых уставов по обучению армии, каковая работа требует большого труда и значительного времени, обучать армию надлежит по ныне существующим уставам, исключив из них все отделы и статьи, которые не соответствуют новым условиям жизни РСФСР» [25].

Таким образом, изменившаяся пограничная обстановка и подходы к охране государственной границы, разбалансировка системы охраны государственной границы вынуждали советское руководство форсировать формирование и комплектование Пограничной охраны РСФСР на новых принципах. Необходимо было в кратчайшие сроки преодолеть беззаконие и анархию, которые охватили целые приграничные районы.

Управленческая деятельность командного состава Пограничной охраны в начальный период ее формирования на местах, отличалась слабостью и неадекватностью, поэтому неудивительно, что изначальными требованиями к пограничникам стали дисциплинированность и профессионализм.

Следует также подчеркнуть, что несогласованность действий органов власти и силовых структур в приграничных районах усиливали межведомственные трения, вносили неразбериху и сумятицу в управление охраной границы и не способствовали установлению элементарного порядка на приграничной территории.

Начавшаяся Гражданская война, экономическая и политическая изоляция Советской России уже в 1918 г. послужили основанием для смещения приоритета с экономической на политическую охрану государственной границы. Средствами достижения этого стали: централизация вопросов охраны государственной границы, повышение требовательности и личной ответственности руководителей на всех уровнях пограничного управления.

Литература и источники:

1. *РГАЭ. – Ф. 413. – Оп. 14. – Ед. хр. 394. – Л. 1 – 2.*
2. *РГАЭ. – Ф. 413. – Оп. 14. – Ед. хр. 45. – Л. 8 – 9 об.*
3. *РГАЭ. – Ф. 413. – Оп. 14. – Ед.хр.393. – Л. 27.*
4. *РГАЭ. – Ф. 413. – Оп. 14. – Ед. хр. 393. – Л. 35.*
5. *РГАЭ. – Ф. 413. – Оп. 14. – Ед. хр. 396. – Л. 423.*
6. *РГАЭ. – Ф. 413. – Оп. 14. – Ед. хр. 396. – Л. 424.*
7. *РГАЭ. – Ф. 413. – Оп. 14. – Ед. хр. 399. – Л. 145 – 145 об.*
8. *РГАЭ. – Ф. 413. – Оп. 14. – Ед.хр. 396. – Л. 425.*
9. *РГАЭ. – Ф. 413. – Оп. 14. – Ед. хр. 399. – Л. 145 об.*
10. *РГАЭ. – Ф. 413. – Оп. 14. – Ед. хр. 393. – Л. 253 – 253 об.*

11. *РГАЭ. – Ф. 413. – Оп. 8-лс. – Ед. хр. 4373. – Л. 13 – 13 об.*
12. *РГАЭ. – Ф. 413. – Оп. 8-лс. – Ед. хр. 4456. – Л. 1 – 2 ; Ед. хр. 2448. – Л. 6, 8.*
13. *ГАРФ // Известия ЦИК. – № 244. – 1917. 6 декабря.*
14. *РГАЭ. – Ф. 413. – Оп. 14. – Ед. хр. 399. – Л. 98.*
15. *РГАЭ. – Ф. 413. – Оп. 14. – Ед. хр.114. – Л. 80.*
16. *РГАЭ. – Ф. 413. – Оп. 14. – Ед. хр.45. – Ед. хр. 108.*
17. *РГАЭ. – Ф. 413. – Оп. 14. – Ед. хр.45. – Л. 88 об.*
18. *РГАЭ. – Ф. 413. – Оп. 2. – Ед. хр. 45. – Л. 186.*
19. *РГАЭ. – Ф. 413. – Оп. 14. – Ед. хр. 399. – Л. 36.*
20. *РГАЭ. – Ф. 413. – Оп. 2. – Ед. хр. 45. Л. – 145, 147 – 148.*
21. *РГАЭ. – Ф. 413. – Оп. 14. – Ед. хр. 400. – Л. 42 – 43.*
22. *РГАЭ. – Ф. 413. – Оп. 14. – Ед. хр. 392. – Л. 46.*
23. *РГАЭ. – Ф. 413. – Оп. 14. – Ед. хр. 398. – Л. 1.*
24. *РГАЭ. – Ф. 413. – Оп. 14. – Ед. хр.398. – Л. 20.*
25. *РГАЭ. – Ф. 413. – Оп. 14. – Ед. хр. 392. – Л. 1 об.*